

«Фигаро», 8.07.2014

Увидели ли мы самого лучшего Карсена? Безусловно, нет. Увидели ли мы первоклассную постановку? Безусловно, да. Присущее Карсену сочетание интеллекта и умения добиться надлежащего результата приводит к тому, что даже когда решение вас убедило не полностью, вы все равно будете сражены мастерством исполнения и чувством изображения.

В таких случаях говорят: режиссер одерживает победу над вдохновением. Но какой режиссер! Нелегко в наши дни трактовать такого персонажа, как Риголетто. Больше полагаясь на сильный первоисточник – пьесу Гюго, нежели на либретто, очень смягченное, он выводит - в буквальном смысле - фигуру буффона: это будет клоун! Разумеется, грустный клоун, жалкий Паяц с застывшей гримасой, - образ незабываемый.

Исходная идея диктует, какой быть обстановке на сцене: сюжет разворачивается в мире цирка с его красным занавесом, ареной, ступенями амфитеатра. В очередной раз Карсен, когда режиссирует в своем спектакле признание в любви, уходит от реализма, чтобы создать необходимую дистанцию для достижения катарсиса. Картины зачастую были просто захватывающие, начать с этой убежавшей в мир грез Джильды, которая поет «Саго поме», повиснув в воздухе на трапеции.

«Телерама», 11.07.2014

Что касается Роберта Карсена, ему в высшей степени удалось его великое возвращение в Экс, где, начиная с британовского «Сна в летнюю ночь» и заканчивая «Семелой» Генделя, он щедро взращивал свои увлекательнейшие фантазмагии. «Риголетто» - из этого же ряда. Блестящая идея ограничить пространство вердиевской драмы ареной цирка с королевской ложей, ступенями амфитеатра и площадкой, посыпанной песком, где, как в античных играх, рабы лицом к лицу сталкиваются с хищниками. Манеж и хищные маневры остаются неизменными. А во втором акте Риголетто сталкивается со сворой придворных, которые похищают его дочь, чтобы отдать ее в лапы Герцога. С торчащими из-под набеленной маски клоками волос и кроваво-красной улыбкой, этот шут предстает одновременно и Паяцем, и Христом, вступившим на свою Голгофу.

Большой почитатель драмы Виктора Гюго, покойный Антуан Витез слышал в ней «громкий метафизический смех шутовства над условиями человеческого существования, страданием и смертью». Этот же самый принужденный, близкий к рыданию смех, этакий соболезнающий бас континуо, дает нам услышать и эту постановку. В полном согласии с дирижером-постановщиком Джанандреа Нозедой, Роберт Карсен не довольствуется тем, чтобы просто слушать музыку Верди, он «вдыхает» ее сокровенный смысл; вслушивается в либретто ухом насколько внимательным, настолько же и склонным к фантазиям - в ожидании, когда откликнется его воображение.